

Мне было трудно поверить, что это может быть правдой. Хотя мама никогда не стеснялась ходить по дому в откровенных бикини или спортивной одежде, у меня никогда не было ощущения, что она пытается покрасоваться передо мной. Но теперь, менее чем за 24 часа, она трижды открывала мне свою киску. Я задавался вопросом, не играет ли она со мной в игру — хочет ли она хвастаться, не будучи очевидным, что она хвастается.

Мама оделась и вышла из дома чуть позже. Когда дом был пуст, и у меня было время убить, прежде чем я должен был собраться на урок в 11 утра, у меня было время подумать. Я не мог выкинуть из головы образ маминого тела и ее киски. Я хотел снова увидеть ее киску. Я не мог перестать думать об этом.

Но как бы я это сделал?

День рождения мамы был на следующий день. Она сказала мне, что некоторые из ее друзей пригласили ее на обед в честь дня рождения, но вечером она будет дома со мной, только мы вдвоем. Я сказал ей, что приготовлю ей ужин. Иногда мне нравилось готовить, и пока я придерживался рецепта, я обычно не слишком сильно его портил. Но я еще не купил ей подарок.

Вот оно. Подарок. Я должен был купить ей что-то, что вывело бы эту маленькую игру на новый уровень. Я начал формировать план.

Подумав еще о том, что я буду делать, я оделся, сел в свою машину — старый мини-седан Хендай моей мамы — и поехал в школу. Мои занятия были скучными. Экономика, а затем история искусства. Мое внимание ненадолго оживилось в истории искусств, когда профессор показала изображение картины Мане «Олимпия» на белом экране позади нее. Образ обнаженной женщины, лежащей на кровати, навел меня на мысль, что мама будет хорошо выглядеть в таком виде.

Даже в классе я не мог перестать думать о том, что мама голая.

После двух часов занятий я закончил свой день. Затем была работа в Best Deal. Пришлось работать до 6.

Мне нравилось ходить на работу. Я наслаждался работой. Меня это устраивало. Магазин Best Deal представлял собой огромную современную пещеру, заполненную дорогими приборами и битком набитую людьми, которых нужно было немного убедить, чтобы купить их. Моя работа заключалась в том, чтобы убедить их, что они должны. Я работал в основном в отделе телевидения; Предыдущие четыре месяца я продавал телевизоры и уже был одним из лучших продавцов в торговом зале.

Когда я получил работу, мой босс, Марио, объяснил, что моя работа не в том, чтобы продавать телевизоры. Моя работа заключалась в том, чтобы разговаривать с клиентами и помогать им понять, что им нужно. Телевизор был как раз тем, что удовлетворяло потребность.

Некоторые ребята так и не поняли. Они так и не придумали, как связаться с покупателем, поэтому, как бы хорошо они ни разбирались в телевизорах, они не могли их продать. Но я разобрался. Это было естественно для меня. Вместо того, чтобы просто говорить о телевизорах, я болтал с ними и выяснял, что побудило их захотеть телевизор. Как только я это сделал, продать телевизор стало легко.

Буквально за неделю до этого зашел парень в футболке Dallas Cowboys. Я узнал, что он хотел получить телевизор побольше для игры Cowboys, которую он пригласил кучу друзей к себе домой посмотреть в те выходные. Мы не говорили о телевизорах; мы говорили о футболе. Мы говорили о типе искусственного покрытия, которое Джерри Джонс установил на стадионе. К концу разговора я убедил его, что он не сможет получить удовольствие от игры, не имея возможности видеть каждую искусственную травинку и каждую складку на униформе болельщиц с максимально возможным разрешением. В итоге я продал ему 70-дюймовую модель сверхвысокой четкости с динамическим диапазоном и комплектом динамиков для домашнего кинотеатра. Он был продан за большие деньги. Мой босс был доволен. Я тоже получил хорошую комиссию.

Сегодня, однако, я был немного не в своей тарелке, потому что был так отвлечен мыслями о маме. Я продал два телевизора, но также упустил покупателя. Я продолжал думать о том, как я мог бы видеть маму больше.

Мне пришло в голову, что я могу применить принципы своей работы: мне нужно выяснить, что ею двигало. Пришлось выяснять, что нужно маме, чего она хочет.

Я должен был выяснить, не хочет ли мама похвастаться передо мной. И если да, то почему.

Я вышел с работы в 17:00. К тому времени я уже знал, куда хочу пойти, прежде чем идти домой. Я поехал в другой магазин недалеко. Это был элитный бутик женской спортивной одежды. Я знал, что ищу, более или менее, и мне не потребовалось много времени, чтобы найти это. Я остановился в другом магазине по соседству и тоже кое-что купил там. Мой день рождения покупки были сделаны. Я направился домой.

Я осторожно вошел в парадную дверь, чтобы мама не увидела сумки из магазинов, в которых я делала покупки. Ее там не было. Я поспешила в свою комнату и спрятала подарки под кроватью.

Я вышла из комнаты и пошла на кухню, и увидела, что мама тоже выходит из своей комнаты. Должно быть, она закончила занятия йогой в своей комнате, потому что была одета для этого: облегающие бледно-голубые шорты с высоким краем на бедре и облегающая футболка с укороченными рукавами, и больше ничего. Она была босиком.

Она вытянула руки вверх и в стороны, чтобы обнять меня, подтянув край футболки и открыв моему взору полоску своего подтянутого гладкого животика. Шорты сидели очень низко на ее талии.

— Как прошел твой день, милая? она спросила меня.

«Все было хорошо, мама. Продал несколько телевизоров». Мы коротко обнялись.

Мама развернулась и пошла на кухню готовить ужин. Мой взгляд остановился на ее попке. Я не видел никаких признаков линии трусиков, но, поскольку мама носила стринги (я достаточно часто видела их в сушилке), было трудно сказать, носила она что-нибудь под шортами или нет. В трусиках или нет, но ее задница представляла собой восхитительное зрелище: задорная, упругая и идеально округлая. При виде этого мой член начал набухать под штанами.

В тот вечер ничего интересного не произошло. Я помог маме приготовить ужин, и мы болтали о жизни и кино и о том, что ей исполнился 41 год. Скоро приближался мой день рождения; Мне должно было исполниться 20, и мы тоже говорили о том, какой это важный рубеж. Я подтвердил маме, что на следующий вечер приготовлю для нее ужин на день рождения.

Во время ужина, когда мама по какой-то причине отворачивалась от меня, я украдкой поглядывал на ее ноги, грудь и тонкую талию. Я старался быть осторожным; Я не хотел, чтобы она увидела, что я пялился на нее. Я не мог сказать, был ли я полностью успешным. Несколько раз она быстро оборачивалась, и я думаю, что ее взгляд поймал мой взгляд. Я не мог быть уверен.

Я помог ей убрать ужин и ушел в свою комнату, чтобы закончить работу к урокам на следующий день. Я хотела успеть все сделать, чтобы следующий день посвятить подготовке к мамину дню рождения. Закончив работу, я лег спать.

Следующий день прошел быстро. Утром у меня было три занятия, но после обеда работы не было — я заранее договорилась с Марио, что у меня будет выходной, чтобы я могла подготовиться к мамину дню рождения. Я хотел, чтобы все было правильно для нее. Я завернула подарки, подписала открытку, подмела полы и привела себя в порядок на кухне и в столовой и, наконец, приготовила ужин.

Мама вернулась с работы ранним вечером, в положенное время.

"С днем рождения, мама!" Я позвал ее, когда она вошла в дверь.

Я поцеловал ее, невинно, слегка в уголок губ, и крепко обнял.

— Ужин почти готов, — сказал я ей. «Почему бы тебе не привести себя в порядок, а я приготовлю вещи, когда ты выйдешь?»

— Это так мило с твоей стороны, Рэнди, — сказала она. Она убежала в свою спальню.

Ужин был почти готов, и требовалось всего несколько штрихов, чтобы завершить его. Я выключил свет и зажег уже установленные свечи. Обеденный стол был накрыт.

У меня не было большого опыта на кухне, но я знала, как следовать рецепту. Я был очень доволен едой, которую приготовил для мамы.

Мои приготовления были закончены, поэтому я пошел в ее комнату и постучал в ее дверь. — Мама, — тихо позвала я. "Время ужина." Я подумал о том, сколько раз она звонила мне, и чувствовал себя хорошо, что хоть немного отплатил за услугу.

Я услышал движение за дверью маминой спальни, потом она открылась и вышла мама.

Она была одета небрежно, но элегантно, в простое белое платье без рукавов, которое плотно сидело сверху, но немного расширилось на талии и заканчивалось на несколько дюймов выше колена. Ее ноги были босыми, на ней были белые сандалии на низком каблучке, гармонирующие с ее платьем. Прилегание платья к ее груди сразу же заставило меня подумать, что на ней, вероятно, не было лифчика. Светлые волосы падали ей на плечи.

Я предложил ей руку, она взяла ее, и я проводил ее в столовую. Я показал ей ее место и отодвинул для нее стул.

Когда я накрыла перед ней обед, мне было приятно видеть, что мама была впечатлена. Я поставила на стол букет красных роз в стеклянной вазе.

"Рэнди, цветы прекрасны!" она сказала. «Тебе не нужно было этого делать».

— Мне не нужно было, но я хотел, — сказал я.

Ставлю перед ней тарелку с едой. Я не был поваром, но в тот вечер у меня все получилось. Я взяла рецепты из одной из маминых кулинарных книг. Ужин состоял из ломтиков жареного ягненка, картофельного пюре с чесноком и спаржи с голландским соусом. Соус был непростым, но я справился, и когда я поставил тарелку перед мамой, я понял, что она была впечатлена. Ее глаза расширились, и она издала протяжное «oooooo».

Я выключил верхний свет; наш ужин был освещен только свечами, горящими на нашем столе и на тумбочке в столовой.

Я был недостаточно взрослый, чтобы покупать вино, но я взял бутылку красного вина из маминой кладовой и принес ее, и, прежде чем мы поели, я налил немного в ее бокал, а затем в свой.

Я сел на ужин в честь дня рождения с моей мамой. Мама была красавицей при любом освещении, но в мерцающем свете свечей ее красота была волшебной. Я поднял бокал, чтобы

выпить за нее.

«С днем рождения, лучшая мама в мире», — сказала я.

"Большое спасибо, Рэнди", сказала она, ее глаза сияли и слезились. Я думал, она может плакать. «Я ошеломлен. Не могу поверить, что ты это сделал».

— Мне понравилось, мама, — сказал я. «Ты так много для меня делаешь, это казалось мелочью, а готовить еду было весело».

Мне всегда нравилась еда. Я имею в виду, кто не любит поесть? Но до той ночи я никогда не думал о еде или еде как о чем-то чувственном или сексуальном. Но наблюдение за тем, как мама медленно и осторожно отрезала кусок баранины и подносила его к полным губам вилкой, навсегда изменило мое представление о еде. Как будто каждое из моих чувств впервые в жизни было включено и усилено до максимально возможного тона. Я заметил скрип ножа на ее тарелке, когда она отрезала кусок от ягненка. Я заметил мерцание света, отражающееся от ее ножа в свете свечи, и контраст между загорелой кожей мамы и ее белым платьем. Я заметил, как аромат еды, поднимающийся с тарелки, смешивался с запахом горящих фитилей свечи. Больше всего я заметил, как мама'

Ужин прошел тише, чем я ожидал, но в хорошем смысле. Мы мало говорили, но это было потому, что мы оба наслаждались едой. Я знал, что маме понравилось, потому что, хотя она мало говорила за обедом, она хвалила еду, которую я для нее приготовил.

«Рэнди, этот ягненок прекрасен», — сказала она. «Все вкусно. Я и не подозревал, что ты такой хороший повар. Теперь тебе придется готовить больше еды». Мы оба рассмеялись.

«Я не думаю, что твой отец когда-либо готовил для меня такую еду за 20 лет брака», — сказала она. — Я уверен, что нет.

Мама проглотила вилку спаржи и жевала ее с закрытыми глазами. Капля соуса вытекла из-под ее губ и стекала по подбородку. Не знаю почему, но было в этом что-то завораживающее — соус, который я приготовил, очертил кривую дорожку от ее губ и остановился на ее дерзком подбородке. Я не мог отвести от него глаз.

Когда она открыла глаза, то заметила, что я смотрю на нее.

"На что ты смотришь?" спросила она.

— О, у тебя есть немного... — сказал я и поднес палец к подбородку, чтобы показать, где соус.

— О, — сказала она и взяла салфетку.

— Нет, подожди, — сказал я. "Разрешите."

<http://erolate.com/book/3696/93538>